

«Другим становится мой муж»

Меня почему-то вдруг потянуло к Шуману. Стала вспоминать, а то и разбирать его «Вечер», «Ночь», «Пестрые листки», «Арабески»... Поделюсь своим настроением с мужем.

— Я считаю Шумана композитором второго разряда, — отрезал он.

— А... Шуберта? — спросила я, зная его любовь к нему.
— А Шуберта — первого.
— Но ведь это не так, он не ниже.
— Давай спросим у Ростроповича, Юдиной — ведь мы знакомы с такими авторитетами!

Одним словом, оказывалось, что мнение обо всем имеют право иметь лишь авторитеты да еще Солженицын.

Другим становится мой муж. Самодовольным... Безапелляционным... А порой и заносчивым...

Но сказать ему об этом — нельзя. Услышав в ответ: «Ах, тебе не нравится, уеду!» Ведь к его услугам и комната в Москве у женщин Чукотских, и Переделкино Корнея Ивановича, да и всякие другие приглашения!

«То было в 37-м году»

Однажды я воспользовалась хорошим настроением мужа и заговорила с ним о своей менте уйти с работы.

— В пятьдесят лет женщина может оставить работу, — согласился со мной муж.

К концу учебного года мне уже исполнится 50! Неужели же получу наконец желанную свободу?..

А пока что договариваемся, что если муж завернется, то через две недели я, как-нибудь высвободив себя два-три дня, приеду к нему, и мы проведем их вместе либо в Борзовке, если позволит погода, либо в Москве, либо в Переделкино у Чукотского.

Накануне отъезда муж говорит мне: «Ты помнишь, какая сегодня дата? В этот день я впервые взял тебя под руку».

На сердце у меня стало тепло. То было в 37-м году, то есть 31 год тому назад! Кажется, что никакого временного разрыва у нас и не было. Наше прошлое и наше настоящее полностью сомкнулись, создавая ощущение, что мы вместе всю жизнь.

«Забота мужа — не для меня»

В середине января (1969 г. — Ред.), я свалилась в постель в жестокой ангине. Мама хлопотает возле меня. Но мне все же так недостает прикосновения теплой ладони мужа ко лбу, его сочувственных слов... Нет, об этом лучше не мечтать, не думать вообще. Постоянная забота мужа — это не для меня.

«Жена должна быть покорной»

Совсем недавно, приехав в Давыдово и почувствовав себя одиозно лишней, я не вытерпела: «Тебе не нужна жена, тебе не нужна семья!»

— Да, мне не нужна жена, мне не нужна семья, мне нужно писать роман, — ответил он в раздражении. А ведь роман-то у него как раз в то время не писался!.. На следующее утро, когда муж подошел ко мне с обычным приветствием, я сказала:

— Считаю, что у тебя нет жены.

Он попытался оправдаться: что уж такого особенного накануне сказал?.. Но я решительно встала, оделась и, не выходя даже чашки кофе, выбежала из хаты и уехала в Рязань. Тот день был сочельник. Занималась со студентами, а на душе был камень.

А в утро Рождества муж позвонил по телефону и ласковым голосом сказал, что уже приехал в Рязань и сейчас будет дома. Разумеется, я смягчилась. Мир был восстановлен. Но прочно ли это?..

Я писала уже, что замечала, как меняется характер моего мужа, как растет его требовательность к людям, его самодовольность, как меняются его оценки людей и их поступков, как много стал он им не прощать... Ушло в Лоту то время, когда он писал мне, что «нет в мире виноватых». Теперь он, например, не прощает Твардовского, что тот напечатал «Ивана Денисовича» лишь 11 месяцев спустя после его прочтения, не прощает меня, что удар 64-го года (наша первая личная драма) оказался для меня тяжелее удара 65-го (изятие архива). Мне он вообще не прощает многого. В голове вдруг начали толпиться все его упреки последнего времени:

«Ты, как Онегин, который всю жизнь метался, потому что не имел стержня жизни». (А я-то naïвно думала, что любовь к мужу и есть этот стержень!)

«Ты испортила аплодисменты!» (Это — когда я выступала 20 лет тому назад в концертах...)

«Бас неправильно воспитывали. Жена должна быть покорной!»

«Мне никто не нужен»

Через пару дней и я уехала в Москву, чтобы в тот же день ехать оттуда в Целалубо. Провожая меня к поезду, Александр Исаевич вдруг предложил мне взять написанное им для меня письмо. Но его намерения я поняла, что этим письмом он как бы давал мне полную свободу развлекаться, как только я захочу. Я расстроилась, расплакалась, взять письмо отказалась.

— Я люблю тебя. Кроме тебя, мне никто не нужен, — сказала я мужу.

Когда я расплакалась, Саня сказал мне, что только что думал о том, какая я у него «железная». Но это меня не утешило. «Только это ты и ценишь во мне?»

«Я каюсь себе букашкой»

Александр Исаевич недоволен, что я так чувствительна к капризам природы. Как можно расстраиваться из-за этого? Что это все в сравнении с мировыми проблемами?.. Так-то оно так, а все-таки... Я прошу его быть ко мне снисходительней. Ведь я очень стараюсь обрести равновесие, устойчивый интерес к жизни. Я каюсь себе букашкой, которая с трудом карабкается вверх, а мой муж способен в один миг сказанными горькими словами сбросить ее на землю, и все-таки букашка снова начинает ползти вверх...

«Нас хотели разлучить»

27 апреля (1970 г. — Ред.) — наш 25-летний юбилей. Мама восприняла его как самую настоящую серебряную свадьбу и подарила набор чайных серебряных ложек.

Праздничный обед в кругу близких. Случайно к обеду пришли две наши полюбившиеся приятельницы — сестры Герасевы: Анна Михайловна и Татьяна Михайловна, у которых мы встречались Новый 1969 год. Муж поднялся и предложил toast:

— Нас хотели разлучить, но теперь вылезем за то, чтобы до гроба быть вместе!

Вышла и я, не спросив никаких разъяснений столь странно-мучительно. Может, и наша несколько странная встреча после почти месячной разлуки связана была с этим туманным введением: «Нас хотели разлучить...» Но окончание тоста прозвучало так успокоительно, что не хотелось ни о чем думать, ни о чем уточнять. Ведь сказал: до гроба вместе! Навсегда вместе, навсегда родные. Так стоить ли обращать внимание на какие-то корявости в отношении? Стоить ли огорчаться из-за них?.. И я охнула.

«Неужели ему вообще не нужен?»

Александр Исаевич последнее время частенько упрекал меня в строптивости, хотя те, кто наблюдал нас вместе, удивлялись другому: и даже советовали мне не быть такой уж послушной женой.

Я была на открытой веранде, когда он с сосредоточенным лицом прошел мимо. Я окликнула:

— Санюша, ты почему такой хмурый? Ведь я приехала покорной...

Он чуть-чуть повернул голову, но ни голосом, ни взглядом не ответил на мою вопросительную улыбку, молча пошел к калитке... Я стала сама не своя. Мы не виделись всего несколько дней. Куда делась его доброжелательность, ласковость?.. Что же такое случилось?.. Будто чужой... совсем чужой человек...

... Выходит, что я нужна своему мужу более всего в качестве рабочей лошади. А самое ценное для него — полное одиночество. Неужели его писательство стало совсем несоместимо с людьми, даже самыми близкими? С теми, кто непросто вторгается в его вымышленный мир и разрушает его? Этот вымышленный мир?.. Неужели ему вообще никто не нужен?

«Ты вырвала у меня еще не созревшее решение»

Вероятно, в тот вечер, накануне мамингого праздника, мне следовало сдержаться. Но это было свыше моих сил... Когда мама уделила на ночь в нашу небольшую комнату, я подыкала к мужу и спросила:

— Скажи мне, что значит твоё поведение? Ты что, возненавидел меня? Или хочешь, чтобы я тебя возненавидела?..

Произошла перепалка. Александр Исаевич был очень раздражен, уходил от объяснения, твердя, что я должна терпеливо сносить его настроения. Мало ли какие они могут быть?..

В конце расстроившаяся, я не зайдя уже к маме, не взяв оттуда постельных принадлежностей, повалилась на раскладушку на закрытой веранде. Ишей и так и осталась на ней до утра — в чем была, не раздеваясь. «Это все мне за Борю!» — шептала я об оставленном мною пасынке. Стала совсем мало. Рано встала. Заставила себя приоборудиться. Если что и предпринимать — то не сегодня же, в такой день... Как и каждое утро в Борзовке, сплуталась в нашу купальню, прятаясь в гудине ив и ольхи, и окунаясь в милую мелководную прохладную Истью.

Наталья РЕШЕТОВСКАЯ

Вег. клуб - 1994 - 8 окт. - с. 1

ОТЛУЧЕНИЕ

Воспоминания жены Александра Солженицына

Сегодня «БК» публикует отрывки из книги Натальи Решетовской «Отлучение», только что вышедшей в московском издательстве МГАП «Мир книги». К массовому читателю книга не попадет, так как издана небольшим малым (даже по нынешним временам) тиражом — 1000 экз. Представляя ее на своих страницах, считаем необходимым сказать о книге и ее авторе несколько слов.

Наталья Александровна Решетовская — первая жена писателя Александра Исаевича Солженицына. Они познакомились в 1936 году, будучи студентами Ростовского университета (он учился на физмате, она — на химфаке). Поженились за год с небольшим до войны, а незадолго до ее окончания командир батареи капитан Солженицын был арестован органами НКВД и освобожден лишь в апреле 1956 года.

В 1948 году Н.А. Решетовская защищает кандидатскую диссертацию, работает в лаборатории МГУ. «На ближайшем свидании в Таганской тюрьме, — пишет она, — я сказала Сане о вынужденном, формальном разводе, чтобы не потерять работу. Он согласился». После отправки Солженицына в казахстанский лагерь духовная связь между супругами прервалась («Любимый образ стал развешиваться и личная драма писателя — разрыв с Решетовской, трудный развод, переживания, связанные с Н.Д. Светловой и рождением первого сына... Обо всем этом так или иначе рассказывается в «Отлучении» Н. Решетовской).

Из всех сюжетных линий книги мы взяли для перепечатки лишь одну — личную, семейную. Почему именно ее? Прежде всего потому, что общественные, литературно-политические сюжеты книги практически все хоро-

шо известны. И из книг самого А.И. Солженицына (в первую очередь — из «Бодялся теленок с дубом»), и из многочисленных публикаций исследователей творчества писателя. Стороны же его личной жизни известны широкому читателю (особенно молодому, выросшему без Солженицына) куда меньше.

Правда, здесь возникают определенные нравственные сомнения. А надо ли газете, так сказать, ретранслировать воспоминания бывшей жены писателя о сугубо личных, даже интимных сторонах их совместной жизни? Не бросит ли это нежелательную тень на сегодняшний Солженицын? Не станет ли средством литературной и политической борьбы, которая уже началась вокруг Солженицына после его возвращения в Россию?

Не скроем, эти сомнения у нас были и есть. И все же мы решились на публикацию. Во-первых, потому, что книга Решетовской уже издана и, как гласит, опубликованная из клетки, принадлежит никому. Во-вторых, личная масштабная Солженицына обречена на высвещение с самых разных сторон, граней и мнений, какими бы субъективными они ни были. И наконец, в-третьих, мы рассчитываем на понимание и мудрость читателя, который, знакомясь с откровениями Н.А. Решетовской, конечно же, «сделает поправку» на то, что это пишет «отлученная», бывшая жена. Публикуемые заметки (подзаголовки к ним даны редакцией) — это эмоциональный личный документ. И уже поэтому, что автор воспоминаний — человек, проживший многие годы с выдающимся писателем нашего времени, уже поэтому его свидетельства имеют неоспоримую ценность.

роу я не могла решить столько времени? столько месяцев? а может быть... лет? Не творчество отнимало его у меня, а... женщины.

Пуст перерогит... Но... принять ли, допустить ли его жить так, как он решил? таким чудовищным путем создавать себе героиню для романов?.. Быть может, он сошел с ума?.. Совместимо ли это с его христианством, наконец?..

«Довольно одного слова: ребенок»

Когда ехала в электричке, вдруг почувствовала, что во мне поднимается неудержимый гнев. Я бегу от мужа. Я вынуждена бежать от него, от самого для меня родного человека! Бросать наше чудное «Сеставино»! Бежать к чужим людям! И все из-за того, что ему нужны героини, которых он «не может собирать за обеденным столом!» Не он ли привел мне когда-то слова Толстого: чтобы понять всех женщин — достаточно сильно любить одну, свою жену?..

Гнев все нарастал и искал выхода. Отчаяние может вылиться слезами. А... гнев?..

Когда пришла к Туркиным, было уже около 12 часов ночи.

— У меня к тебе от моего письма, — сразила меня Вероника. — Я была у него в Борзовке.

— Не хочу. Не буду читать. Порву.

Былают очень серьезные вещи, — с удивлением на каждом слове произнесла моя младшая сестра.

Ну, дай! Дай!

— Порвешь!

— Нет.

Я судорожно вскрыла конверт. Большое, на нескольких листах написанное письмо:

«Душа моя родная, дорогая!

Гляжи мои сеньки!»

Нет, это все неважно. Дальше, дальше... В чем же суть?.. Листаю страничку за страницей. Глаза напряженно высматривают то, что должно, я чувствую, что что-то должно сокрушить... А-а!.. Вот оно, это слово — одно, но за которыми бездна. Р е б е н о к ! Это уже не наваждение, это — реальность, это — явь, которая делает меня лишней в его жизни не на месяцы, не на годы, а... н а в с е г д а !

Зачем мне читать эти плотно истисненные странички? Все строчки слились в одно это слово, за которым два образа: есть ведь еще и женщина — женщина, которая отныне некто связанная с ним и о нем мужем. Больше ничего не надо знать. Зачем ему понадобилось писать мне так много?.. Довольно одного этого слова: р е б е н о к .

И я ру письмо, бросаю клочки и... опрометью бегу к двери и вниз по лестнице.

Ночь была совсем темной. Время от времени принималось идти небольшой дождь. Я шла то по шпалам, то по тропинкам слева и справа от них. Ноги путались в траве, цеплялись за кустарник. Лишь бы хватило сил дойти! Достаточной дозы снотворного у меня не было: выпью, что есть, и открою газ. К возвращению мужа все будет кончено. Как бы он ни отнесся к этому — другого выхода нет!

Помню, когда шла, все повторяла и повторяла: «Боже мой! Боже мой! А ему собирался литературный памятник поставить!»

«Наши счастливые лица на фото»

После 11 часов утра услышала звук въезжающей машины. Вероятно, это, мой неверный. Вскоре и в самом деле в замок вставили ключ, повернули. Войдя, Александр Исаевич позвал меня, назвав ласковым именем. Не отозвалась.

— Нет моеи... (снова — ласковое имя), — ответил он сам себе.

После чего вошел в свою комнату, несколько мгновений оттуда не доносились ни звука. Он читал мою записку. Из комнаты прошел в кухню, открыл холодильник и, увидев, что там почти ничего нет, сказал вслух:

— Да... Пустовато...

— Зато у тебя предельно наполнено, — слабо отозвалась я.

— Ты... здесь? — он бежал ко мне растерянный. — Ты была в Москве? прочла письмо?

— А это о чем было? — спросила я в свою очередь, указывая на наши счастливые лица на фото.

— Почему не было? Было... Да ты прочла письмо?

— Пробежала. И порвала.

— Порвала письмо, которое я писал тебе целую неделю?.. Впрочем, я предвидел это. У меня есть копия, но ты и ее порвешь?..

— Нет. Но лучше скажи все так, без письма.

— Нет. Сначала прочти.

Дав мне копию письма, муж пошел в «большой дом».

И вот опять в моих руках те же странички. Я не могу как следует сосредоточиться, во все выкинуть. Теперь я хочу знать еще только одно: кто она, эта женщина?

«...Не думай, ради Бога, ни на кого знакомого, только ошибешься... она — не случайный человек в моей жизни... Не приходишь к ней, что она хочет меня от тебя оторвать... Она ОЧЕНЬ хотела от меня ребенка».

Там было еще много, очень много, но голова не в состоянии была это многое вместить.

«И вдруг я догадалась...»

И вдруг я догадалась, у кого должен родиться ребенок от моего мужа. Несерьезно зашевелились и зазавывались клеточки в моем мозгу, и то, что лежало на разных полках памяти, внезапно соскочило с них и соединилось вместе. Я поняла, кто она, будущая мать ребенка, хотя не знала ее, не видела никогда да и почти ничего о ней не слышала...

Ранее всего я сообразила, что ее зовут так же, как и меня.

Вспомнила, как однажды этим летом сказала мужу, что вокруг него много Натальи. А он на это ответил:

— Да. Даже слишком много...

Всем нашим знакомым Натальям было немало лет, а этой лишь 29. Впрочем, в письме мужа было написано: «Не думай, ради Бога, ни на кого знакомого, только ошибешься».

Наталья зовут дочь Екатерины Фердинандовны Светловой... И уж ей-то вполне может быть 29 лет — ведь Екатерина Фердинандовна мнe ровесница. Не потому ли за все лето она ни разу к нам не приезжала?

Я сказала мужу, что догадалась, кто эта женщина. Он не сразу, но в конце концов сообразил, а даже счастливому. Только тут я от него узнала, что Екатерина Фердинандовна — еврейка. (Как это противоречило его устойчивым представлениям о том, каких женщин он не смог бы полюбить!..)

О ней И Александр Исаевич говорил хорошо. Она очень деловая, делает ему все, что нужно, и будет верна его ДЕЛУ даже в том случае, если у нее будет другой мужчина. Одним словом, она годится ему в подруги жизни.

«Мне хочется удержать свое иллюзорное счастье»

После пережитых бурь наступило затишье. Вечер того дня был у нас не просто хорошим, а даже счастливым. У меня — необычный прилив энергии: убирала, пеку в духовке яблоки с сахаром. Саня заметил чудо моего превращения.

— Как ты похорошела! — удивился он. И то ли в порыве свежего увлечения мною, то ли видя в этом неосуждаемый выход, воскликнул: — Будь мой любовницей!

На следующее утро я подаю к завтраку зажаренный в духовке омлет, причудливо подвигивший на большой сковородке. Пока кладу его в тарелку, по лицу мужа бегут слезы.

— Дурочка, дурочка, ты ничего не понимаешь, — произносит он, — любовь возвращается...

Радость захлебывает меня! И у меня — слезы. Но как же все то, что от меня требовалось?.. Остается в силе?.. Не нужно думать! Надо, чтобы так сразу не исчезло давно забытое ощущение счастья.

Ощущение, с которым я проснулась еще среди ночи и не торопясь уснуть. Бессонница на этот раз не тяготила меня, выплывшую на маленький счастливый островок среди океана страданий... Сколько удержусь я на этом островке, пока волны опять сбросят меня в океан и будут носить по нему?..

По какому-то поводу Саня вдруг сказал, как не говорил никогда: — Как прикажешь...

— Он будет таким, если я соглашусь быть не женой ему, а... любовницей?!

— А если... не соглашусь?..

— Мне хочется удержать свое иллюзорное счастье — удержать то, что от меня требовалось?.. Остается в силе?.. Не нужно думать! Надо, чтобы так сразу не исчезло давно забытое ощущение счастья.

Ощущение, с которым я проснулась еще среди ночи и не торопясь уснуть. Бессонница на этот раз не тяготила меня, выплывшую на маленький счастливый островок среди океана страданий... Сколько удержусь я на этом островке, пока волны опять сбросят меня в океан и будут носить по нему?..

По какому-то поводу Саня вдруг сказал, как не говорил никогда: — Как прикажешь...

— Он будет таким, если я соглашусь быть не женой ему, а... любовницей?!

— А если... не соглашусь?..

— Мне хочется удержать свое иллюзорное счастье — удержать то, что от меня требовалось?.. Остается в силе?.. Не нужно думать! Надо, чтобы так сразу не исчезло давно забытое ощущение счастья.

Ощущение, с которым я проснулась еще среди ночи и не торопясь уснуть. Бессонница на этот раз не тяготила меня, выплывшую на маленький счастливый островок среди океана страданий... Сколько удержусь я на этом островке, пока волны опять сбросят меня в океан и будут носить по нему?..

По какому-то поводу Саня вдруг сказал, как не говорил никогда: — Как прикажешь...

— Он будет таким, если я соглашусь быть не женой ему, а... любовницей?!

— А если... не соглашусь?..

— Мне хочется удержать свое иллюзорное счастье — удержать то, что от меня требовалось?.. Остается в силе?.. Не нужно думать! Надо, чтобы так сразу не исчезло давно забытое ощущение счастья.

Ощущение, с которым я проснулась еще среди ночи и не торопясь уснуть. Бессонница на этот раз не тяготила меня, выплывшую на маленький счастливый островок среди океана страданий... Сколько удержусь я на этом островке, пока волны опять сбросят меня в океан и будут носить по нему?..

По какому-то поводу Саня вдруг сказал, как не говорил никогда: — Как прикажешь...

— Он будет таким, если я соглашусь быть не женой ему, а... любовницей?!

— А если... не соглашусь?..

— Мне хочется удержать свое иллюзорное счастье — удержать то, что от меня требовалось?.. Остается в силе?.. Не нужно думать! Надо, чтобы так сразу не исчезло давно забытое ощущение счастья.

Ощущение, с которым я проснулась еще среди ночи и не торопясь уснуть. Бессонница на этот раз не тяготила меня, выплывшую на маленький счастливый островок среди океана страданий... Сколько удержусь я на этом островке, пока волны опять сбросят меня в океан и будут носить по нему?..

По какому-то поводу Саня вдруг сказал, как не говорил никогда: — Как прикажешь...

— Он будет таким, если я соглашусь быть не женой ему, а... любовницей?!

— А если... не соглашусь?..

— Мне хочется удержать свое иллюзорное счастье — удержать то, что от меня требовалось?.. Остается в силе?.. Не нужно думать! Надо, чтобы так сразу не исчезло давно забытое ощущение счастья.

Ощущение, с которым я проснулась еще среди ночи и не торопясь уснуть. Бессонница на этот раз не тяготила меня, выплывшую на маленький счастливый островок среди океана страданий... Сколько удержусь я на этом островке, пока волны опять сбросят меня в океан и будут носить по нему?..

По какому-то поводу Саня вдруг сказал, как не говорил никогда: — Как прикажешь...

— Он будет таким, если я соглашусь быть не женой ему, а... любовницей?!

— А если... не соглашусь?..

— Мне хочется удержать свое иллюзорное счастье — удержать то, что от меня требовалось?.. Остается в силе?.. Не нужно думать! Надо, чтобы так сразу не исчезло давно забытое ощущение счастья.

Ощущение, с которым я проснулась еще среди ночи и не торопясь уснуть. Бессонница на этот раз не тяготила меня, выплывшую на маленький счастливый островок среди океана страданий... Сколько удержусь я на этом островке, пока волны опять сбросят меня в океан и будут носить по нему?..

По какому-то поводу Саня вдруг сказал, как не говорил никогда: — Как прикажешь...

— Он будет таким, если я соглашусь быть не женой ему, а... любовницей?!

— А если... не соглашусь?..

— Мне хочется удержать свое иллюзорное счастье — удержать то, что от меня требовалось?.. Остается в силе?.. Не нужно думать! Надо, чтобы так сразу не исчезло давно забытое ощущение счастья.

Ощущение, с которым я проснулась еще среди ночи и не торопясь уснуть. Бессонница на этот раз не тяготила меня, выплывшую на маленький счастливый островок среди океана страданий... Сколько удержусь я на этом островке, пока волны опять сбросят меня в океан и будут носить по нему?..

По какому-то поводу Саня вдруг сказал, как не говорил никогда: — Как прикажешь...

— Он будет таким, если я соглашусь быть не женой ему, а... любовницей?!

— А если... не соглашусь?..

— Мне хочется удержать свое иллюзорное счастье — удержать то, что от меня требовалось?.. Остается в силе?.. Не нужно думать! Надо, чтобы так сразу не исчезло давно забытое ощущение счастья.

Ощущение, с которым я проснулась еще среди ночи и не торопясь уснуть. Бессонница на этот раз не тяготила меня, выплывшую на маленький счастливый островок среди океана страданий... Сколько удержусь я на этом островке, пока волны опять сбросят меня в океан и будут носить по нему?..

По какому-то поводу Саня вдруг сказал, как не говорил никогда: — Как прикажешь...

— Он будет таким, если я соглашусь быть не женой ему, а... любовницей?!